

Подобная деятельность дала свои результаты, и к началу XX века количество грамотных по Кизлярскому отделу насчитывалось 8 641 человек, из них мужского пола – 7 235, женского пола – 1 406 [4, л. 37].

Несмотря на усилия российских властей по улучшению и реформированию системы образования в Терской области, коренные изменения в этой сфере произошли только после 1917 г.

Примечания:

1. Гарунова Н.Н. Изменения в социальной структуре казачьих общин Низовий Терека в XVIII-XIX вв. //Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы одиннадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. – Армавир, 2018.- С. 51-54.

2. Garunova N.N. Contentious aspects of the term "Caucasian war" in the works of the north caucasian historians //Life Science Journal. – 2014. – Т. 11. – № 11s. – С. 71-177.

3. Гимбатова М.Б. Традиции школьного образования у Нижнетерских казаков (XIX – начало XX в.) // Вестник Института ИАЭ. – 2016. – № 3.- С. 42-47.

4. ГАРД. Ф. 379. Оп. 1. – Д. 539. – Л. 36-37.

5. Васильев Д.С. Загадка старого Кизляра //Вопросы истории Дагестана: (Досоветский период) / Отв. ред. проф. В. Г. Гаджиев; Даг. филиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы им. Г. Цадасы. – Махачкала: [б. и.], 1974. – 308 с.

6. Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и всемирной истории. Ученые записки. – 2002. – № 1. – С. 59-63.

7. Дагестанские исторические сочинения / Введение, перевод, коммент. Г. М.-Р. Оразаева / А. Р. Шихсаидов, Т. М. Айтберов, Г. М.-Р. Оразаев; Рос. АН, Даг. науч. центр, Ин-т истории, археологии и этнографии. – М.: Наука: Изд. фирма "Вост. лит.", 1993. – 298 с.

Р.В. Герасименко (г. Саров),

К.В. Скиба (г. Армавир)

С БОЯМИ ОТ АРМАВИРА ДО СОЧИ. ИЗ БОЕВОГО ПУТИ 40-й ОТДЕЛЬНОЙ МОТОСТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ КОМБРИГА ЦЕПЛЯЕВА

Август 1942 года, начало Битвы за Кавказ, Армави́ро-Майкопская оборонительная операция, в которой принимает активное участие 40-я Отдельная мотострелковая бригада, которой командует полковник Никита Федорович Цепляев. Это боевое подразделение было сформировано за полтора месяца до этого, приказом Командующего Северо-Кавказским Фронтом от 16 июня 1942 года из бойцов 72-й Отдельной Кубанской кавалерийской дивизии, после того как они достойно выдержали всю тяжесть майских боев на Керченском полуострове [1].

Почему кубанские казаки [2] из лихих конников стали мотострелками? В тяжелых боях под Керчью, они до последней возможности прикрывали переправу наших войск на Тамань, а потом переправились через Керченский пролив сами, оставив лошадей на крымском берегу.

Начальник политотдела Керченской военно-морской базы батальонный комиссар Ф.В. Монастырский вспоминал по этому поводу так: «Настал час, когда кавалеристам приказали уничтожить коней, эвакуировать их не было возможности, а оставлять врагу нельзя. Люди нахмурились. Это были преимущественно кубанцы, природные конники. Стрелять в коней они отказались наотрез. В эту минуту я видел у них на глазах слезы. Без коней, тяжелым шагом поднимались конники на палубы уходивших кораблей. Отряд автоматчиков получил приказ пристрелить лошадей, сиротливо бродивших по изрытому воронками двору крепости...» [3].

Оказавшись на Кубани и пересев на грузовые автомобили, тягачи и вездеходы, бойцы 40-й бригады все равно не утратили своего «казачьего колорита» в виде шапок-кубанок, башлыков и бурок. Хотя при этом нужно понимать, что все эти вещи бойцы и командиры бригады носили с большим удовольствием в перерывах между боями. Вместо шапок-кубанок с ярким верхом, идти в бой они предпочитали в касках...

В июне-июле 1942 года 40-я бригада стояла в тылу и принимала в свой состав пополнения. И если первоначально на сборном пункте 72-й кавалерийской дивизии в станице Крымской собралось 2 146 ее бойцов и командиров, то к началу августовских боев численность 40-й бригады выросла уже до 2 800 человек. За это время бригаду «обильно насытили» средним

и тяжелым вооружением: было увеличено число автоматов «ППШ» и «ППД» среди личного вооружения бойцов; кроме уже привычных станковых «Максимов» были получены новые пулеметы – «ДС-39» и крупнокалиберные «ДШК»; противотанковые ружья «ПТРД» и «ПТРС»; минометы калибров 122, 82 и 50 мм.

Артиллерия бригады, кроме уже привычных 45-мм. противотанковых пушек, была усилена дивизионными артиллерийскими системами – 76-мм. пушками «УСВ» и 122-мм. гаубицами. Кроме того, в бригаду были введены зенитно-артиллерийский дивизион, оснащенный зенитными автоматами.

Механизированные средства были представлены различными видами грузовиков, вездеходов и другой боевой техники, общим количеством до 400 единиц. Причем, кроме отечественных машин, 40-я бригада получила в свой автопарк ленд-лизовские автомашины – грузовики марок «Студебеккер», «Шевроле», «Додж», а также джипы «Форд-Пигмей» [4].

22 июля 1942 года в станице Старокорсунской, на ее северо-западной окраине, маршал Советского Союза С.М. Буденный произвел смотр частей бригады. С этого момента считалось, что бригада способна решать поставленные перед нею особые боевые задачи, для чего бригада была подчинена непосредственно командованию Северо-Кавказского фронта.

И вскоре такая задача была перед ней поставлена – в ночь с 31 июля на 1 августа 1942 года, 40-я Отдельная мотострелковая бригада была поднята по тревоге и ночным маршем, огибая Краснодар, через город Кропоткин, проследовала в сторону Армавира [5].

Свой первый бой на кубанской земле 40-я бригада приняла 3 августа 1942 года под Армавиrom. Почему бригада прибыла именно сюда? Дело в том, что, после взятия Ростова-на-Дону и выхода на оперативный простор в кубанские степи, один из ударных «клинов» 1-й танковой и 17-й полевой немецких армий был нацелен на Армавир. По сути, этот город был для нашего врага «воротами» к нефтеносному району Майкопа, а затем к Черноморскому побережью, к порту Туапсе.

Как писал в свое время историк Эдуард Пятигорский, историю Туапсинской оборонительной операции следует начинать именно с боев за Армавир, а достаточного количества войск здесь не было, совсем недавно Армавир был глубоким тылом.

Именно поэтому, на этом важном оборонительном участке фронта, и оказалась 40-я мотострелковая бригада [6].

Олег Алексеевич Богомягков, зенитчик 40-й бригады, так вспоминал это время: «...Немного не доезжая до Армавира, свернули с магистрального шоссе влево и недалеко от берега Кубани прямо на поле созревающих помидоров заняли огневую, позицию. Случайно попавшая к нам газета сообщала тогда об ожесточенных боях с немцами уже в районе Сальска – это далее, чем в 150 километров от места, где мы находились.

Но вдруг ближе к вечеру недалеко от нас на небольшой высоте быстро промелькнул наш старый знакомый – «Ме-109». Вот тебе и раз! Если в воздухе находятся немецкие фронтовые истребители, значит, и их аэродром где-то совсем близко. Это обстоятельство сразу усилило нашу бдительность, вызвало некоторую неуверенность и обострило озабоченность» [7].

Главной задачей войск, сосредоточенных здесь, кроме обороны самого города, была защита переправ через реку Кубань в районе Армавира и соседних населенных пунктов (станция Прочноокопская, поселок Красная Поляна и другие).

Забегая вперед, скажем, что кроме 40-й мотострелковой бригады Армавир защищали две бригады из состава 1-го Отдельного стрелкового корпуса – 113-я и 139-я; Армавирский истребительный батальон, 485-й зенитно-артиллерийский полк, 375-й и 151-й отдельный зенитно-артиллерийские дивизионы, летчики Армавирской военно-авиационной школы пилотов, 5-й отдельный мостовой железнодорожный батальон и другие воинские части [8]. Но именно бойцам 40-й бригады довелось отразить первый удар немцев.

3 августа 1942 года, после полудня наши позиции подверглись массированному артиллерийскому обстрелу. Затем немцы с ходу попытались захватить мост через Кубань, который вел из станицы Прочноокопской в поселок Красная Поляна. И, надо сказать, что поначалу им это удалось – уничтожив немногочисленную охрану моста, враг смог прорваться на левый берег Кубани, став закрепляться на захваченном небольшом плацдарме.

Ситуация складывалась угрожающая, но положение спас контрудар частей 40-й Отдельной мотострелковой бригады полковника Цепляева. Ее бойцы – 3-й батальон и одна рота 2-го батальона, атаковали противника с двух направлений, заставив немцев отступить обратно на другой берег реки Кубань. Благодаря общим усилиям 40-й бригады и частей 1-го Отдельного стрелкового корпуса, в этом бою немцы потеряли 7 танков и до двух взводов пехоты. Наши потери составили пять человек ранеными и трое убитыми, потери в технике составили 3 автомашины «Форд» [9].

Затем, бойцы 40-й бригады взорвали этот мост, пытаясь задержать немецкую мотопехоту. Но, правда, рухнула только одна ферма моста, что потом позволило немцам сравнительно быстро починить его.

Вообще надо сказать, что Армавир оборонялся вплоть до 8 августа и только угроза полного окружения (уже был оставлен Ставрополь, взят Кропоткин, немцы переправились через Кубань в других местах и подходили к Майкопу), заставила войска Красной Армии оставить город, центр которого лежал в развалинах после немецких артобстрелов и бомбежек. В ночь на 9 августа последние защитники с боем покинули его, отойдя в направлении станицы Лабинской.

Но дело в том, что еще 3 августа, после боя за переправу, 40-я бригада получила боевое распоряжение штаба Северо-Кавказского фронта сдать свои рубежи обороны частям 1-го Отдельного стрелкового корпуса и в 19.00 выступить на новый рубеж сосредоточения: станицы Лабинская – Курганная – аул Кошехабль, чтобы защитить от немцев переправы по реке Лаба. Обойдя Армавир, передовые немецкие части прорывались туда...

На этом рубеже 40-я бригада, совместно с подошедшими сюда остатками 1-го Отдельного стрелкового корпуса, стойко оборонялась до 8 августа. Но противник, сосредоточив крупные силы танков и мотопехоты, смог форсировать реку, причем, в результате немецкого наступления, 1-й батальон 40-й бригады оказался отрезанным и в течение 7-8 августа вел бой в окружении. Для ликвидации создавшейся угрозы, было принято решение выделить усиленную роту из состава 1-го батальона под командованием капитана Коржева. Во взаимодействии с одной из батарей зенитного дивизиона и другими подразделениями бригады, из села Натырбово, она была должна прорвать образовавшееся кольцо [10].

В этом бою наши бойцы уничтожили 5 средних танков, 6 бронетранспортеров, множество автомашин и до двух батальонов пехоты противника, также был сбит 1 немецкий самолет [11].

Не встретив поддержки от других подразделений фронта, боевая группа Коржева ушла на Майкоп. Здесь, уже в пустом городе, она задержалась всего на несколько часов, после чего ушла по горным дорогам в Туапсе, где поступила в распоряжение командования фронта [12].

Вслед за вышедшим из окружения 1-м батальоном, вся бригада начала двигаться параллельно движению немцев на Майкоп, но 10 августа, под станицей Кужорской на реке Фарс, была зажата в тиски и окружена частями 13-й танковой и 16-й моторизированной дивизий немцев.

Главной причиной того, что основные силы 40-й бригады попали в окружение под Кужорской, было то, что соседние, менее стойкие в обороне подразделения 12-й армии, отступали под немецким натиском, оставляя фланги бригады незащищенными.

С этими событиями связан следующий эпизод: 10 августа командир 1-го Отдельного стрелкового корпуса полковник Михаил Шаповалов разговаривал по радио с командармом, генерал-майором Гречко. Из стенограммы переговоров видно, что Шаповалов постоянно жалуется на то, как плохо воюет 40-я бригада и лично полковник Цепляев [13].

Но уже 12 (по другим данным 14) августа Шаповалов, вместе со своей женой, на командирской «эмке» с белым флагом, сдался передовым частям 16-й моторизированной дивизии Вермахта. Причины и мотивация этого поступка до сих пор вызывают споры среди историков, но нам известно, что после перехода на сторону врага, Шаповалов служил заместителем начальника «Зондерштаба-Р» (Особый штаб «Россия»), где кроме всего прочего пытался создать коллаборационистское подразделение «Свободная Кубань» из казачьего населения [14].

Днем 10 августа командование 40-й бригады принимает решение прорываться в сторону обширных Махошевских лесов. Батальоны бригады развернулись в боевой порядок и после 5-ти часового боя, в нескольких местах (каждый батальон в своем месте) умело используя местность, прорвав немецкие порядки, смогли выйти из окружения.

Оторвавшись от противника, основные силы 40-й ОМСБр, углубились в Махошевские леса (древний, священный для черкесов лес Тхачег, который начинается на окраинах Майкопа и тянется на десятки километров).

Немецкие танкетки и мотопехота пытались преследовать бригаду до леса, но получив отпор от арьергарда, войти в лесной массив не решились [15]. Затем почти пять дней – до 15 августа, происходил сбор подразделений бригады в одном месте.

После этого было принято решение – идти на соединение с частями Северо-Кавказского фронта через Кавказский заповедник, в сторону Сочи, так как Майкоп был занят немцами еще 9 августа.

Немецкий военный писатель Вильгельм Тике в своей книге «Марш на Кавказ» так описывает этот момент: «Наступление 156-го мотопехотного полка из Ярославской во взаимодействии с 3-й ротой 116-го танкового батальона, а также частью 203-й бригады штурмовых орудий и 165-го мотоциклетного батальона из Кужорской предотвратило прорыв советской 45-й стрелковой бригады, которая под давлением 13-й танковой дивизии пыталась отойти на юг в район Лесного Кавказа.

Уйти удалось лишь остаткам этой бригады. Большая часть ее вооружения и техники, в том числе 400 автомобилей американского производства, была захвачена. Спидометры автомобилей показывали незначительный пробег. Машины свидетельствовали об усиленной материальной помощи союзников» [16].

Но здесь немецкий автор ошибся не только в номере бригады, но и в самой оценке этих событий. За время тяжелых боев в окружении и при его прорыве, бойцами 40-й бригады были подбиты 6 немецких танков и бронетранспортеров, 10 автомашин, сбито 2 самолета и уничтожено до полутора батальонов немецкой пехоты.

Сама бригада потеряла около 350 своих бойцов и командиров убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Большая часть автопарка также была сохранена: его потери составили около 50 автомашин [17].

Как мы уже сказали, выйдя из окружения, 40-я бригада своим ходом, в организованном порядке, со своей артиллерией (как полевой, так и зенитной), начала переход через Кавказский государственный заповедник, и далее через Главный кавказский хребет. Маршрут бригады пролегал: станица Новосвободная (Царская) – окрестности станицы Даховской (в саму станицу не заходили) – поселок Сахрай (современный Ново-Прохладный) – станица Баговская – поселок Бугунжа – гора Ачешбок – река Уруштен – поселок Красная Поляна.

Пройти по такому сложному маршруту 40-й бригаде помог хороший проводник – егерь Кавказского заповедника, местный житель 60-летний Яков Васильевич Складаров. Он, прекрасно зная эти места, смог успешно провести все подразделение на соединение с частями Красной армии.

За это он был награжден орденом Боевого Красного знамени (приказ подписан 11 октября 1942 года), после чего подал заявление и был зачислен в ряды бригады. В ее составе он провоевал до 17 марта 1943 года, а затем был комиссован по возрасту.

Войдя в Махошевские леса, бригада без боя прошла через станицу Новосвободную. Затем так же быстро подразделения бригады прошли близ станицы Даховской и через Сахрай. В 7 километрах восточнее Сахрая у многих грузовиков и тягачей стало кончаться горючее. Часть машин, по большей части грузовые и командирские, бойцы бригады законсервировали и замаскировали (их, гораздо позже, и нашли немцы). Бензин с них был слит для тягачей и остальных автомашин, которые везли боезапас и раненых, пехотные подразделения дальше направились пешим строем.

Этим, кстати, объясняется существенное снижение дальнейшего темпа и скорости передвижения бригады. Кроме того дорога стала труднопроходимой, начались длительные крутые подъемы и спуски. И все это под постоянным проливным дождем.

К полудню 22 августа, бригада сосредоточилась в районе станицы Баговской и связалась с местными партизанами, тем более что во многих окрестных населенных пунктах уже находились немецкие мотопехотные части и «восточные батальоны» из различных коллаборационистов.

Тем не менее, после нескольких небольших стычек, подразделения 40-й бригады быстро заняли ряд населенных пунктов в округе Баговской: станицы Бесленевская и Переправная, поселки Бугунжа, Бурный, а также окрестности поселка Псебай [18].

Вскоре, в Баговской состоялось совещание командования бригады и местных партизанских отрядов, где родилась идея создать 1-ю Кубанскую партизанскую дивизию, путем слияния 40-й бригады и некоторых отрядов партизан. Но от этих планов сразу отказались, хотя все-таки один совместный бой они провели против немцев.

27-28 августа немецкие мотопехотные части, при поддержке коллаборационистских подразделений, начали наступление из Псебая на поселок Бурный, а из поселка Шедок на Бесленевскую. После ожесточенного боя, 2-й батальон бригады (без 1-й роты), оборонявший Бесленевскую, отошел на запад на два километра. Взять же поселок Бурный немцы и вовсе не смогли, хотя его обороняла только отдельная разведрота бригады. Противник потерял тут 58 человек, 3 бронетранспортера, 2 мотоцикла и прочее вооружение.

Ночью из штаба Северо-Кавказского фронта по радио пришел приказ, о том, чтобы 40-я бригада сдала оставшийся автопарк местным партизанам и, перейдя на выюки, в полном составе следовала через Кавказский хребет на Красную Поляну в распоряжение фронта.

28 августа, после описанного нами боя, подразделения бригады сосредотачиваются юго-западнее Баговской. Здесь командование сдает свою оставшуюся тяжелую технику на хранение партизанам, об этом есть документы и даже расписки командиров партизанских отрядов. Кроме того, Рудаков Федор Гаврилович, командир партизанского отряда № 2 «За Сталина», рассказывал, что 40-я бригада смогла поделиться с ними частью своего стрелкового оружия и пополнила партизанский запас патронов к винтовкам и автоматам «ППШ». После этого бригада двинулась дальше через Кавказский хребет по ранее намеченному маршруту [19].

В районе станицы Баговской, на урочище Кунские поляны, из-за невозможности транспортировки через горы (лишь для раненого комбрига Цепляева было сделано исключение – бойцы понесли его дальше на носилках), пришлось оставить госпиталь с тяжелоранеными бойцами и командирами (почти 100 человек). Вместе с ранеными остались медперсонал (около 10 человек), несколько грузовых автомашин с водителями и взвод охраны.

На Кунских полянах госпиталь находился до 12 сентября, но здесь его вскоре обнаружил противник – коллаборационисты из 804-го азербайджанского батальона, после чего раненых срочно перевели в одну из соседних пещер. Здесь свой героизм проявили и бойцы взвода охраны, и медики, и водители – все они защищали раненых в стычках с противником.

Можно сказать, что госпиталь жил в постоянной осаде и хорошо, что в пещере оказался выход пресной воды, там же проводились и операции при свете автомобильных фар.

Комбриг Цепляев, сам раненый, как только 40-я бригада вышла к нашим частям, сразу начал ходатайствовать о переброске госпиталя со всем обеспечением, самолетами в наше расположение. Его просьба командованием фронта была удовлетворена, но вывести удалось не всех...

Часть защитников госпиталя погибла в стычках с азербайджанскими коллаборационистами, часть раненых умерла, часть медиков и бойцов попала в плен, о чем свидетельствуют немецкие документы [20].

После войны в эту пещеру ходили два поисковых отряда, они нашли там останки 25-30 советских солдат. Но как они погибли: умерли эти раненые сами или их добились коллаборационисты – до сих пор неизвестно...

Основная заслуга в деле спасения раненых принадлежит военврачу 3-го ранга Гапонову Александру Александровичу. Кроме него, среди отличившихся известны следующие фамилии: шофер и санитар Гребёнкин Михаил Иванович; военврач 3-го ранга Деньмухамедов Сагид Рамазанович; санитар Попов Иван Григорьевич [21].

4 сентября 1942 года, преодолев горные перевалы, 40-я бригада вышла к Красной Поляне и, как писали в документах, «поступила в распоряжение фронта». Этот переход через горы был тяжелейший, на пределе человеческих сил. Крутые подъемы и опасные спуски, горные реки и скалы. Дорогу себе порой приходилось прорубать топором и пилой в прямом смысле этого слова. Практически все вооружение либо тянули на мулах, либо попросту несли на себе. Постоянные дожди, «вишневые» на хвосте преследователи, бездорожье – все это многократно усложняло путь.

После выхода к своим, 4-5 сентября, комбриг Цепляев смог выбить три недели отдыха своей бригаде. За время с начала боев на Кубани (с 3 августа) до выхода к Красной поляне (4 сентября), 40-я бригада потеряла 568 человек убитыми и ранеными и 150 человек пропавшими без вести.

Ее командир смог вывести (по разным данным) от 2 059 до 2 083 человек вместе с легким вооружением [22]. То есть потери бригады с начала боев на Кубани составили около 25 % от первоначальной численности, а, значит, бригада не была ни разгромлена, ни обескровлена. Она сохранилась как крепкое боевое подразделение, окружение под Кужорской и рейд через Кавказский хребет она преодолела с наименьшими потерями.

Во многом это заслуга самого комбрига Цепляева: по воспоминаниям командиров батальонов бригады, Никита Федорович был категорически против разбивки бригады на мелкие группы для прохождения Кавказского заповедника и Кавказского хребта, причем бригада на своем пути неоднократно встречала мелкие группы бойцов (по 10-15 человек), из состава дружных подразделений Красной Армии, отставших и потерявшихся.

Один из командиров батальонов, Кузьминов М.Я. в своих мемуарах приводит такие слова Цепляева: «Вот они, результаты глупости. Распустить воинскую часть и отдать ее на съедение немецким егерям – это преступление. Пока у нас есть оружие, мы будем сражаться. А выйдут патроны, кончатся мины, камнями будем отбиваться. Мы – регулярное соединение Красной Армии, и таким дойдем до Туапсе» [23]. Только сохранив единство, считал он, можно сохранить боевое подразделение боеспособным.

В период своего отдыха, в сентябре 1942 года, 40-я бригада получала пополнения и охраняла побережье от возможных немецких морских десантов в районе Ольгинки. Тут же к ним снова присоединился капитан Коржев со своей ударной группой.

Конечно, в материальном плане бригада потерпела серьезные лишения: после тяжелейшего перехода через заповедник и хребет, многое из обмундирования пришло в негодность, не хватало теплых вещей, обуви. Однако удалось сохранить все легкое вооружение [24].

В сентябре в состав бригады вводится еще один, 4-й батальон (бывший 67-й отдельный стрелковый батальон) под командованием Кузьминова Михаила Яковлевича, будущего Героя Советского Союза. В своем составе он имел 283 человека.

А уже 26 сентября 1942 года, 40-я Отдельная мотострелковая бригада была поднята по тревоге и, погрузившись на автомашины, отправилась в район села Котловина, на защиту одного из самых сложных участков Туапсинского оборонительного района...

Примечания:

1. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ). Фонд 33, опись 682525, дело 17, лист 88.
2. 79,5 % личного состава 72-й Отдельной Кубанской кавалерийской дивизии родились и призвались в армию с территории Краснодарского края. Основные подразделения дивизии носили «кубанские названия»: 190-й Славянский кавалерийский полк, 193-й Белореченский кавалерийский полк и 195-й Тимашевский кавалерийский полк (Бурмагин А.Г. К вопросу о формировании кубанских кавалерийских дивизий в июле-августе 1941 года // Культурная жизнь юга России. № 2 (31), 2009. С.67-69).
3. Монастырский Ф. В. Земля, омытая кровью. М., 1961. С. 9.
4. Герасименко Р.В. 40-я Отдельная мотострелковая бригада. Незаслуженно забытая участница Битвы за Кавказ // <http://sarpust.ru/2014/11/40-ya-otdelnaya-motostrelkovaya-brigada-nezasluzhenno-zabytaya-uchastnitsa-bitvy-za-kavkaz/>.
5. Богомягков О. А. В боях на подступах к Туапсе (записки фронтového зенитчика, осень 1942) // <https://iremember.ru/memoirs/zenitchiki/bogomyagkov-oleg-alekseevich/>.
6. Пятигорский Э. И. История, это то, что было... Туапсе, 1992. С.4-5.
7. Богомягков О. А. В боях на подступах к Туапсе...
8. ЦАМО РФ. Фонд 371, опись 6367, дело 96, лист 141-143.
9. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 152, лист 10.
10. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, лист 1; фонд 224, опись 760, дело 59, лист 124. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: воспоминания М. Ф. Чередника. Краснодар, 2012 г. С. 16.
11. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, лист 2.
12. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: воспоминания М. Ф. Чередника... С.16.
13. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, лист 2; фонд 371, опись 6367, дело 94, лист 5.
14. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, лист 73; Никольский Б.В. Схватка за Кавказ и Крым. Борьба разведок 1942-1944 гг. М., 2018 г. С. 223-224; Гурова Е.А., Высоцкий А.А., Клоков А.Н. Комкор РККА на службе вермахта (от защитника Армавира до врага народа) // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2019. № 1. С.99-100.

15. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: воспоминания М. Ф. Чередника... С.17.
16. Вильгельм Тике. Марш на Кавказ. Битва за нефть 1942/1943. М., 2005 г. // <https://litresp.ru/chitat/ru/%A2/tike-viljeljm/marsh-na-kavkaz-bitva-za-neftj-1942-1943-gg>.
17. ЦАМО РФ. Фонд 33, опись 682525, дело 17, лист 88-оборот; фонд 276, опись 811, дело 27, лист 10.
18. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, лист 21; фонд 276, опись 811, дело 27, лист 20; фонд 33, опись 682525, дело 227, лист 409.
19. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, листы 13-16, Бормотов И. 40-я мотострелковая бригада // «Советская Адыгея», номер от 9 августа 2011 года.
20. NARA USA. T 315, Karte einfügen, T 315, Roll 496.
21. ЦАМО РФ Фонд 33, опись 682525, дело 236, лист 399; фонд 33, опись 682525, дело 229, лист 537; фонд 33, опись 682525, дело 232, лист 141; Из писем Онищенко Федора Калиновича Малютенкову Ивану Васильевичу (личный архив Р.Герасименко).
22. ЦАМО РФ. Фонд 371, опись 6367, дело 101, лист 13; фонд 276, опись 811, дело 27, лист 7; фонд 47, опись 1063, дело 429, лист 11.
23. Кузьминов М. Я. О боях-пожарищах, о друзьях-товарищах... Киев, 1983 г. С.44-45.
24. ЦАМО РФ. Фонд 276, опись 811, дело 27, лист 46-46об.

А.А. Головлёв
(г. Самара)

СТАНИЦА ПЕРВОМАЙСКАЯ (краткий историко-географический очерк)

Современная станица Первомайская, расположенная в юго-восточной части Алханчуртской долины на территории Грозненского муниципального района Чеченской Республики, в 2017 г. насчитывала 5 810 жителей. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., практически всё население Первомайской станицы (98,5 % жителей) составляли чеченцы [1].

Абсолютное доминирование чеченцев в национальном составе населения станицы Первомайской – бесспорный факт новейшей истории. Однако в прошлом всё было иначе: станица возникла и длительное время развивалась как хутор Васильева, населённый линейными казаками [2].

Рассмотрим с историко-географических позиций особенности формирования казачьего хутора Васильева, положившего начало современной станице Первомайской. Полагаем, что главной предпосылкой, обусловившей возникновение хутора Васильева, послужило всеобщее восстание Чечни против России. Согласно А.П. Берже [3] и Н.Ф. Дубровину [4], вследствие восстания Чечни, произошедшего в 1840 г., жители почти всех аулов и хуторов, располагавшихся на правом берегу Терека и на левом берегу Сунжи, то есть в пределах Малой Кабарды, переселились на правый берег Сунжи, и перешли под власть имама Шамиля. На всём пространстве междуречья Терек – Сунжа осталось лишь несколько небольших аулов. Земли по левому берегу Сунжи, опустевшие после добровольного перехода чеченцев к имаму Шамилю, постепенно стали заселяться линейными казаками.

В «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией», приводится официальный документ под названием «Предположение о занятиях и действиях войск Отдельного Кавказского Корпуса на зиму с 1856 на 1857 год и в течение 1857 года» [5]. В этом документе сообщается о том, что летом 1857 г. предполагалось «...при нефтяных колодцах, находящихся около Мамака-юрта, между Грозною и Горячеводском, построить пост, дабы дать возможность станицам 2-го Сунженского полка учредить там некоторые хозяйственные заведения» [5, с. 621]. Вполне вероятно, что обозначенный в документе военный пост стал предшественником хутора Васильева.

Позднее Ф.Г. фон-Кошкуль [6] упоминает о Мамакай-юртовских хуторах, находившихся недалеко от нефтяных источников Сунженского хребта (примерно в 3 верстах южнее от подошвы гребня Терского хребта, с уступа которого в то время стекали Мамакаевские серные воды)¹.

¹ В историческом прошлом эти термальные источники именовались теплицами Святого Павла, а вершина Терского хребта, с уступа которой стекали горячие серные воды, называется Хаян-Корт.